

УДК. 930. 2

Астафьев Дмитрий Александрович, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, г. Оренбург, Россия

e-mail: [astafev25@yandex.ru](mailto:astafev25@yandex.ru)

Чепелева Галина Игоревна, студентка филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, Россия

e-mail: [chepeleva.gal@yandex.ru](mailto:chepeleva.gal@yandex.ru)

## РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИНЬЦЗЯНА В ЭГО-ТЕКСТАХ СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Аннотация. В статье представлен анализ ряда эго-текстов, написанных советскими военными специалистами с целью определения того, как репрезентировался ими Синьцзян – в настоящее время Синьцзян-Уйгурский автономный район в составе Китайской Народной Республики. Синьцзян периодически фигурирует на страницах их воспоминаний, поскольку именно на его территории развернулся ряд важных исторических событий, в которых был задействован и Советский Союз. Образ Синьцзяна передан советскими военными специалистами через суровую природу, однообразный, унылый и пустынный пейзаж, непривлекательные и неуютные города провинции с узкими улочками, странные и непривычные традиции, архаичный уклад жизни. Ключевые слова: Китай, Синьцзян, репрезентация, образ, эго-текст, советские военные специалисты.

Astafyev Dmitry Aleksandrovich, Associate Professor of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University, Candidate of Historical

Sciences, Orenburg, Russia

e-mail: astafev25@yandex.ru

Chepeleva Galina Igorevna, student of the Philological Faculty of the Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

e-mail: chepeleva.gal@yandex.ru

## REPRESENTATION OF XINJIANG IN THE EGO-TEXTS OF SOVIET MILITARY SPECIALISTS

**Abstract.** The article presents an analysis of a number of ego-texts written by Soviet military specialists in order to determine how they represented the Xinjiang, currently the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the People's Republic of China. Xinjiang periodically appears on the pages of their memoirs, since it was on its territory that a number of important historical events unfolded, in which the Soviet Union was also involved. The image of Xinjiang was conveyed by Soviet military specialists through its harsh nature, monotonous, dull and deserted landscape, unattractive and uncomfortable cities of the province with narrow streets, strange and unusual traditions, and archaic way of life.

**Key words:** China, Xinjiang, representation, image, ego-text, Soviet military specialists.

В данной работе мы обращаемся к рассмотрению следующей темы – репрезентация Синьцзяна в эго-текстах советской эпохи, на примере воспоминаний советских военных специалистов. Территориальные рамки исследования – Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), или кратко Синьцзян. В настоящее время указанный регион входит в состав Китайской Народной Республики (КНР). Методы, на которые опирались авторы – аналитический, сравнительный, историко-антропологический.

Основные источники исследования – эго-тексты, а именно мемуары участников непосредственных исторических событий, связанных с

исследуемым регионом. Они носят субъективный характер, но, при этом содержат в себе значительный информационный потенциал, поскольку дополняют существующие научные работы и официальные документы, а также позволяют увидеть изучаемую проблему фактически изнутри, с определенной точки и ракурса, преломленную через призму конкретного индивидуального восприятия. Для них характерна личностная интерпретация и оценка событий, в текстах явно выражена эмоциональная составляющая в описании, что отличает их от других источников.

Антропологический поворот в исторической науке нашел свое отражение в т.ч. и в интересе к изучению эго-документов. Поэтому обращение к подобным источникам позволяет отразить результаты исследований не только через описание фактов и их последующую интерпретацию, но и через «человеческое» – чувства, эмоции, мировоззрение автора, отношение к событиям и людям, позицию в каких-либо вопросах. С. В. Козлов выделяет важную особенность таких источников: «В ретроспективном эго-источнике сочетаются индивидуальное восприятие прошлого и коллективные представления, которые задают рамку пониманию происходящего. Анализ этих текстов позволяет проследить механизмы взаимодействия личных воспоминаний и публичных коллективных нарративов» [Козлов С. В. 2022: 9].

На специфике эго-документа отражается образование, гендерная, сословная, классовая, политическая, национальная принадлежность, политическая позиция, религиозные взгляды и др. Как отмечает Ю. П. Зарецкий, авторы эго-документов выступают «не как абстрактные индивиды (что считается само собой разумеющимся при традиционном взгляде), а как общественные существа, относящиеся к конкретной социальной, профессиональной, религиозной, гендерной группе и действующие внутри определенных социальных контекстов и связей» [Зарецкий Ю. П. 2021: 197].

Отличие мемуаров от другого вида эго-источников – дневников, заключается в том, что они пишутся спустя время, порой длительное, после происходивших событий, и поэтому автор не воспроизводит их в тексте здесь и

сейчас, а работает над текстом, в котором делает акцент на важных, с его точки зрения, подробностях, интерпретирует их и т.д. Это не автоматический перенос на бумагу нашей индивидуальной памяти, поскольку и она не является абсолютно точным отражением фактов и событий, имевших место в нашей жизни, а их реконструкция, представленная в виде текста, который может дополняться художественными подробностями или даже вымыслом. А если говорить о мемуаристике советской эпохи, при ее анализе необходимо учитывать влияние официальной идеологии, наличие определенной цензуры и редактуры, что также накладывало отпечаток на публиковавшиеся эго-тексты. Однако, наличие некоторого количества мемуаров, написанных эмигрантами, и в которых упоминаются те или иные пересекающиеся сюжеты, позволяет исследователю проанализировать различные авторские позиции.

Актуальность исследования заключается в следующем: Синьцзян исторически, еще с XIX в. находился в орбите интересов Российской империи; его территория стала одним из мест проживания представителей нескольких волн русской эмиграции. Но помимо лиц, вынужденных по разным обстоятельствам покинуть родину, начиная с 30-х гг. XX в. в регион стали прибывать и советские граждане – военные специалисты, геологи, инженеры, медики и т.д., поскольку Синьцзян оказался геополитически важной точкой на карте мира, где сталкивались интересы различных держав, в т.ч. и Советского Союза [Бармин В. А. 2022; Башкуев В. Ю. 2019; Башкуев В. Ю. 2023; Сергеев Е. Ю. 2023].

Историографический анализ показывает нам, что, по сути, к настоящему времени сформирован значительный блок научных работ, затрагивающих темы общей истории региона, «русского мира» Синьцзяна, отношений Советского Союза и Синьцзяна, участие русских эмигрантов в военных действиях на территории региона и т.д. [Абдуллаев К. Н. 2015; Бармин В. А. 1998; Бармин В. А. 1999; Башкуев В. Ю. 2023; Наземцева Е. Н. 2010; Наземцева Е. Н. 2022; Наземцева Е. Н. 2023]. Однако, в большинстве своем эго-документы привлекаются авторами в контексте изучаемых ими вопросов как источники

дополнительного характера. Непосредственное исследование того или иного аспекта истории Синьцзяна через призму эго-текстов нечасто находит отражение в научных публикациях [Астафьев Д. А., Любичанковский С. В. 2025; Камалов А. К. 2021].

Мы проанализировали несколько эго-текстов, на страницах которых образ Синьцзяна репрезентируется советскими военными специалистами. Их мемуары достаточно широко представлены, например, в сборниках «В небе Китая. 1937 – 1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев», «На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925 – 1945 гг.» и др. Синьцзян периодически фигурирует на страницах их воспоминаний, поскольку именно на его территории развернулся ряд важных исторических событий, в которых был задействован и Советский Союз.

Какой же образ Синьцзяна складывался у прибывших туда советских военных специалистов?

В текстах воспоминаний преимущественно можно встретить формулировки, указывающие на неразвитость Китая, и особенно провинции Синьцзян, сохранение феодальных пережитков, вопиющего социального неравенства. В целом Китай являлся страной далекой для многих советских граждан, они впервые там оказывались и знакомились с этим государством, с его языком, культурой и традициями. Как отмечал А. Г. Рытов: «Трудности усугублялись еще и тем, что никто из нас не знал китайского языка, тамошних обычаев и нравов. Все надо было изучать на месте. <...> Наши представления о Китае, по существу, не выходили за рамки учебника средней школы» [В небе Китая. 1937 – 1940. 1980: 59 – 60].

Китай представал в образе Другого – чужого, непонятного, инакового, враждебного. Синьцзян помимо этого являлся особенной провинцией – многонациональным и многоконфессиональным регионом. В нем смешивались элементы среднеазиатской и китайской культур. Наиболее многочисленные народы, населяющие его – уйгуры, китайцы, дунгане, казахи, киргизы и др. Кроме того Синьцзян, начиная с XIX в. выступал одним из центров русской

эмиграции.

Многое в Китае в культурном плане являлось очень непривычным для восприятия советскими людьми – рикши, громкое общение, переходящее на крик, присущее китайцам, жестокое обращение офицеров с солдатами, некоторые обычаи и др. Приведем небольшой отрывок про посещение военспецами китайской оперы: «Никто из нас даже понятия не имел, что такое китайская опера. Здание театра – насквозь прокуренная табакотом и продымленная керосиновыми лампами мазанка с низким закопченным потолком. На подмостках без всякого занавеса и без декораций за небольшими столиками сидели размалеванные артисты. Временами они по очереди приближались к авансцене и, прокричав арию, садились на место. <...> Музыка шокировала нас – оглушительный гром медных тарелок, гонгов и барабанов» [В небе Китая. 1937 – 1940. 1980: 325 – 326]. Из подобного описания мы понимаем, что советские военные явно не получили никакого эстетического удовольствия от такого близкого соприкосновения с китайской культурой.

А. З. Душин рисует следующую картину после приземления на аэродроме в г. Кульдже: «В первые же минуты мы стали свидетелями странного для нас зрелища. Поодаль от нашего самолета гнали группу людей. Одеты они были кто во что попало. Двое, судя по всему, старшие, вооруженные бамбуковыми палками, подгоняли отставших. Хотя нас и предупреждали, чтобы мы не вмешивались в здешние порядки, стоило большого труда скрыть свое возмущение. У нас появилось сильное желание вырвать у старших палки и огреть их самих» [В небе Китая. 1937 – 1940. 1980: 140].

Некоторые характеристики, вероятно, добавлялись редакторами данных текстов, чтобы указывать на явные преимущества и достижения Советского государства. Соответственно, описание Китая и Синьцзяна реализовано с применением терминологии марксистского формационного подхода. К примеру, Ф. П. Полынин давал такую характеристику региону: «Отсталость страны, скованной феодальными порядками, проявлялась везде и особенно здесь, в Синьцзяне. Отгороженный от остальной территории Китая

высочайшими горными хребтами и безжизненными пустынями, он как бы застыл на пороге средневековья» [В небе Китая. 1937 – 1940. 1980: 20]. Один из авторов констатирует емко и кратко: «Нас поразила ужасающая нищета народа» [В небе Китая. 1937 – 1940. 1980: 140].

Советских военных порой просто поражало социальное неравенство, сильно выраженное в китайском обществе того времени. Из мемуаров Н. Г. Козлова: «Позже, уже в центральном Китае, нам пришлось быть свидетелями отношений людей, стоявших на разных ступеньках общественной лестницы неустроенного мира. Один мистер, раздеваясь на ночь, сунул куда-то часы. Утром обвинил боя в пропаже. А через некоторое время через холл отеля, где находились и мы, протащили избитого в кровь боя. В тот же день мистер обнаружил часы в своем костюме» [В небе Китая. 1937 – 1940. 1980: 153].

Мемуаристы часто указывали на сложные и суровые природные условия Синьцзяна. К примеру, в одном из текстов находим следующий пассаж: «Каждый полет в горах Синьцзяна был связан с риском. Погода изменчива, горы безлюдные, растительности никакой. Окажись один на один с этим суровым краем – мало надежды выжить» [В небе Китая. 1937 – 1940. 1980: 22]. Другой автор пишет: «Самолет пошел на снижение. Земля становилась ближе, но ничуть не привлекательнее: те же скалы, ущелья, ни единого кустика» [В небе Китая. 1937 – 1940. 1980: 62]. Указание же на красоту природы провинции встречается крайне редко: «В этой части Синьцзяна природа живописна: нагромождения скал, водопады, непроходимые заросли с вековыми деревьями, на полянах и вдоль долин горных рек помещичьи подворья, монастыри и деревни, соединенные проложенными по склонам гор и через перевалы дорожками из каменных плит» [На китайской земле. 1977: 330].

Эпитеты, характеризующие провинцию Синьцзян, не отличаются разнообразием и положительными коннотациями. Она – «унылая», «безжизненная», «однообразная», «пустынная». Например, некоторые предложения из анализируемых текстов: «Пров. Синьцзян, через которую пролегал наш маршрут, сверху напоминала унылую и безжизненную

всхолмленную пустыню» [В небе Китая. 1937 – 1940. 1980: 121] или «Однообразной и унылой выглядела пров. Синьцзян» [В небе Китая. 1937 – 1940. 1980: 62].

Не только природа, но и города Синьцзяна не вызывали положительного отклика у советских военных – «маленький, неуютный городок Хами» [В небе Китая. 1937 – 1940. 1980: 62] или вот некоторые характеристики и оценки советскими военными г. Или – «город с бедными узкими улочками» [В небе Китая. 1937 – 1940. 1980: 153], «слоняться по шумным и грязным улицам города не доставляло удовольствия» [В небе Китая. 1937 – 1940. 1980: 154].

Чего стоит вот этот живописный отрывок авторства Н. Г. Козлова: «Если господь бог и покарал библейского Хама рабским трудом на братьев Сима и Иафета, то не додумался поселить его в Хами. Безводная пустыня – глазом не окинешь. Пекло. Мельчайшая пыль поднимается до 3 – 4 тыс. м. при взлете и посадке самолета, стоит столбом и оседает очень медленно [В небе Китая. 1937 – 1940. 1980: 154]. Аэродром также представляется одним из советских летчиков в духе минимализма: «Аэродром представлял собой участок пустыни без начала и конца. На нем не было даже мазанок, лишь одиноко маячила полупорт со стартовым нарядом, да в стороне стояли автозаправщики» [В небе Китая. 1937 – 1940. 1980: 326].

Тем самым мемуары советских военных специалистов имеют много схожих черт, и даже не столько в содержательном плане, поскольку зачастую они касаются одних и тех же событий, сколько в характеристиках и описании провинции Синьцзян. Образ Синьцзяна передан ими через суровую природу, однообразный, безжизненный, унылый и пустынный пейзаж, непривлекательные и неуютные города провинции с узкими улочками, странные и непривычные традиции, архаичный уклад жизни.

#### Список использованной литературы:

1. Абдуллаев К. Н. Русские и восстание в Синьцзяне в первой трети 1930-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4–2

(88). С. 15–19. DOI 10.14258/izvasu(2015)4.2-01.

2. Астафьев Д. А., Любичанковский С. В. Периферия «русского мира»: Синьцзян сквозь призму эго-документов XX в. // Новый исторический вестник. 2025. № 1(83). С. 113–130. DOI 10.54770/20729286-2025-1-113.

3. Бармин В. А. СССР и Синьцзян 1918–1941 гг. Барнаул: Барнаульский государственный педагогический университет, 1998. 214 с.

4. Бармин В. А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941–1949 гг. Барнаул: Барнаульский государственный педагогический университет, 1999. 200 с.

5. Бармин В. А. Противодействие СССР британской экспансии в Синьцзяне в период национального движения коренных народов провинции 1931–1934 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 1(89). С. 1–9. DOI 10.21603/2078-8975-2022-24-1-1-9.

6. Башкуев В. Ю. Роль Синьцзяна во внешней политике России и СССР в Центрально-Азиатском регионе (вторая половина XIX – первая половина XX в.) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 1 (33). С. 61–71. DOI 10.31554/2222-9175-2019-33-61-71.

7. Башкуев В. Ю. Бурятские коминтерновцы и геополитические планы революционизации монголов Синьцзяна в начале 1920-х гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2023. № 1 (49). С. 76–84. DOI 10.31554/2222-9175-2023-49-76-84.

8. Башкуев В. Ю. Советские врачи и борьба с эпидемиями в Синьцзяне (конец 1920-х – 1940-е гг.) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 2. С. 353–363. DOI 10.22162/2619-0990-2023-66-2-353-363.

9. В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980. 381 с.

10. Зарецкий Ю. П. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и

культуре. 2021. № 3 (137). С. 184–199.

11. Камалов А. К. Автобиография репатрианта из Китая как источник для изучения социальной истории фронта // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2021. № 14. С. 312–327. DOI 10.31554/2304-1838-2021-14-312-327.

12. Козлов С. В. Эго-документы в структуре исторической памяти // Библиосфера. 2022. № 4. С. 5–11. DOI 10.20913/1815-3186-2022-4-5-11.

13. Наземцева Е. Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.); Алтайский гос. пед. акад. Барнаул: Алтайский гос. пед. акад., 2010. 259 с.

14. Наземцева Е. Н. Влияние провокаций представителей русской политической и военной эмиграции против советских консульств в Китае на советско-китайские отношения в 1920–1930-е годы // Исторический курьер. 2023. № 3 (29). С. 124–136. DOI 10.31518/2618-9100-2023-3-10.

15. На китайской земле. Воспоминания советских добровольцев. 1925 – 1945. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977. 445 с.

16. Сергеев Е. Ю. Проблема Синьцзяна в советско-британских отношениях второй половины 1920-х гг. – первой половины 1930-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. № 10(132). DOI 10.18254/S207987840028760-5.